

Урал Биккузин

**Осень
в Козлинорыльске,
или Хрустальное
небо сентября**

Урал Биккузин

**Осень в Козлинорыльске, или
Хрустальное небо сентября**

«Издательские решения»

Биккузин У.

Осень в Козлинорыльске, или Хрустальное небо сентября /
У. Биккузин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837680-1

Он обыкновенный парень с окраин, живущий обыкновенной жизнью.
Но тут в его жизни происходит событие, которое круто меняет его жизнь: он
проходит клиническую смерть и встречается с самим богом. Но бог это не то,
что он думал.

ISBN 978-5-44-837680-1

© Биккузин У.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая (Осень в Козлинорыльске, или Хрустальное небо сентября)	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Осень в Козлинорыльске, или Хрустальное небо сентября

Урал Биккузин

© Урал Биккузин, 2017

ISBN 978-5-4483-7680-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая (Осень в Козлинорыльске, или Хрустальное небо сентября)

Разные судьбы бывают у всех
Не к каждому в жизни приходит успех
Кому-то малина
Кому-то калина
Кому-то все сладко
Кому-то все гадко
Но каждый свой крест несет до конца
Пока бьется сердце и в теле душа

В далеком захудалом, забытом богом городке Козлинорыльске стояла ранняя осень. Лето уже отошло в свои небесные чертоги, но настоящая осень еще не вступила в свои права тепла уже не было стоял не то чтобы холод, а свежесть именно свежесть солнце еще ярко светило небо было ярко синим и казалось звенело и было хрустальным. Зелень деревьев слегка опалило желтизной, как будто невидимый курильщик затянулся зеленым самосадом. Ванька Ветров сидел на крыльце и лениво покуривал вонючую Приму: да уж проворчал он, глядя в синее небо действительно хрустальное небо сентября и сплюнул сквозь зубы на почерневшее крыльцо. Несмотря на свою непростую жизнь далекую от лирики и поэзии Ванька был романтиком и любил смотреть на небо яркое синее как сейчас или ночное усыпанное гроздьями звезд. И глядя на небо он чувствовал какую-то непонятную тоску и смутные чувства которые он и сам не мог объяснить ему хотелось куда-то куда он и сам не знал. Чувствовал какие-то желания и стремления казалось где-то там далеко есть то место куда он стремился всю жизнь где все

чисто возвышенно и прекрасно, и где его кто-то ждет бесконечно близкий и родной. Но в жизни его ждал грязный и вонючий барак где он жил со своей сожительницей Валькой, маленький двор где уже с утра соображали на бутылку соседи, друзья и собутыльники, увидев которых нормальный человек переходил на другую сторону улицы. Правда были и у Ваньки разнообразия в жизни как-то в восемнадцать лет ему принесли повестку из военкомата из которой он тут же свернул самокрутку и забыл про нее, с куревом было тогда туго и пошел распивать бутылку ядерного самогона с соседом дядей Витей хромым. Оттуда-то его и увезли полупьяного и недоумевающего на милицейском «бобоне» на районный призывной пункт, где после трех дней гудежа опять же полупьяного засунули в самолет и отправили в далекий и холодный Хабаровский край. Там он два года простоял в карауле охраняя сам не зная, чего в затерянном в тайге поселке с нерусским названием Экимчан. Впрочем, получав по рогам от дедов преимущественно с нерусскими же опять мордами и еще более нерусскими именами Ванька освоился и научился выживать с минимальными для здоровья последствиями. Поначалу он очень страдал от довольно сложных заданий, когда дедушка давал ему рубль и посылал за водкой и еще требовал двадцать пять рублей сдачи, было очень больно и немного обидно. Но хуже всего было, когда нужно было бежать в соседнюю роту за сигаретами, ну никак он не мог запомнить тугие для русского слуха имена, например: дедушка Богиберген просит у дедушки Рахимджана сигарету. Приходилось получать и от дедушки Богибергена и от дедушки Рахимджана больно вдвойне, а потом бежать обратно. Но всему приходит конец пришел конец и службе, тоже как всегда внезапно люлей он уже давно не получал, будучи уже сам дедушкой и лежа в каптерке покрикивал:

– Дневальный!

Бледный трясущийся от страха дух прибежал и скороговоркой выпалил:

– Что! Новый хозяин! Нужно!

Ванька, лениво зевнув, с размаху врезал ему в челюсть:

– Тебе че сука объяснять надо?

Дневальный засуетился вскоре на столе шипела жаренная картошка с тушенкой стоял пузырь с вонючим корейским рисовым самогоном сурой стакан и пачка опять же китайских желтых вонючих сигарет с нарисованной на пачке птичкой. Налив стакан Ванька с чувством отвращения залпом выпил, занюхал куском хлеба и закурил. Почувствовав, что желудок обожгло как огнем и в голове слегка зашумело, Ванька накинув на плечи китель с черными погонами и сержантскими лычками встал и дав духу для профилактики еще леща выдал ему задание:

– Ты дух неправильный военный давай дуй в поселок найдешь Нюрку скажешь у Ваньки душа болит пусть дует сюда.

С местной Нюркой Ванька встречался уже полгода досталась она ему от дедушки Рахима, а тому от его дедушки то ли Омара, то ли Магомеда, одним словом-наследство. Нюрка была здоровая и ладная девка отец какой-то ссыльный русский, мать якутка, имела троих детей от Советской армии и огромное желание выйти замуж и уехать в Москву. Обычно Ванька приводил ее к себе в каптерку они пили самогон предавались плотским развлечениям, и Ванька начинал вдохновенно врать, что он родом из Москвы, отец его профессор, у него огромная квартира на Арбате, строил планы как они поженятся и уедут в Москву вместе с ее тремя детьми. Если ты врешь женщине, то надо самому хоть чуть-чуть в это верить, а это Ванька умел, и Нюрка слушала, открыв рот и в ее узких глазах загорался огонь и грудь ее начинала тяжело опускаться и подыматься.

– Вань, а ты в институте учился?

– Конечно!

– А в каком?

– А в каком в может учиться сын генерала? Конечно самом лучшим!

– Вань, а ты же говорил, что у тебя отец профессор.

– Ну да, сначала был генералом, а как ушел в отставку стал профессором!

А сам про себя думал: ну и дура же ты видела бы ты моего папашу в обморок бы упала. Ванька, невольно усмехнулся вспомнив своего папашу в те недолгие дни, когда тот отдыхал после очередной тюремной отсидки до следующей: худющий как велосипед, кашляющий так как будто собирается выплюнуть свои легкие, синий как кислородный баллон от многочисленных татуировок пьющий все что горит и загибающий такие заковыристые матюки, что даже выдавшие виды мужики сами не раз побывавшие в «командировках» открывали в восхищении и зависти рот. И в «Москву» мы с тобой поедem увидишь мой Козлинорыльск пешком до Хабаровска бежать будешь. Но тут дверь каптерки распахнулась от пинка ноги: командир роты старший лейтенант Малинин с веселой улыбкой пнул потерявшую чувство реальности Нюрку:

– Брысь шалава, иди домой сука.

Нюрку как ветром сдуло, старший лейтенант несмотря на сладкую фамилию, имел горячий нрав и хорошо поставленный удар, и Ванька неуютно поежился этот и подмолодить может. Но у Малинина было хорошее настроение налив себе полный стакан он медленно и с наслаждением опрокинул стакан себе в глотку не торопясь закусил луковицей:

– Ну все Ванька собирайся, и в машину до поезда доведу, дембель, все отслужил вот тебе военник, вот, требование.

– Товарищ старший лейтенант, можно на сверхсрочную остаться?

– Можно Машку за ляжку, а у нас разрешите, но сразу тебе скажу Ванька нахер ты мне тут не нужен. Пьянки твои, блядки, мордобой и воровайки в поселке меня уже достали, когда тебя посадят это вопрос времени, а мне на роту преступление нахер не надо. Так что дергай-ка ты Ванька в свой колхоз и пусть тебя посадят там.

Возвращаться в свой колхоз Ваньке не хотелось, но деваться было некуда. Трясаясь в поезде, он вспоминал свой городок Козлинорыльск, хотя это был скорее поселок городского типа, центр Рыльск, где стояло несколько девятиэтажек и серые хрущевки. Там жили в основном работники местного депо, путейцы, местное третье сословие положительный пролетариат, и элита глава администрации, и т. д. и т. п. Окраина же откуда был родом Ванька сначала до строительства станции Рыльск была деревней Козловкой, потом поселок и деревню объединили и родился на свет новый город-сад Козлинорыльск. В Козловке в основном стояли частные дома серые и тоскливые, и такие же бараки с ржавыми протекающими железными крышами, крысами, гоняющими по баракам как у себя дома, запахом гниющей картошки, перегара и нестиранного белья. Из открытых окон слышались детский плач, матерная брань и визгливо-хрипло-удалые звуки семейных скандалов. Рыльские парни считали за великий подвиг даже днем ходить по улицам Козловки, а ночью туда без особой необходимости не совалась даже милиция.

И вот вернулся я домой
Хоть не горбатый не хромой
Никто меня здесь и не ждет
Кому здесь нужен лишний рот
Я парень дерзкий озорной
И мой карман всегда пустой

В серый слякотный осенний день Ванька в камуфляжном бушлате, с вещмешком за спиной плелся по улицам родной Козловки к своему барaku с одной мыслью пожрать после недели

в поезде впроголодь другие мысли в голову и не лезли. Свои немногочисленные деньги он пропил за три дня потом ел оставшиеся сухари с дошираком, так что домой он шел стройный и поджарый и с хорошим аппетитом. Еще не подойдя к родному крыльцу он понял что про обед можно забыть из распахнутого окна дома с выбитыми стеклами неслась разудалая песня хриплый голос, в котором чувствовался богатырский дух мощно выводил:

– А я ехал, ах блядь ехал!

Дребезжащий козлиный голосок подпевал:

– И приехал, блядь приехал!

Папаша что ли освободился: подумал Ванька, но голос на отцовский похож не был, Ванька толкнул с детства знакомую дверь. Дверь как всегда была не заперта, и он невольно отшатнулся от специфического запаха, которым пахнут бомжи и притоны, который везде и в Москве, и в Хабаровске, и в Козловке, да и по всей матушке Рассее одинаков. Ванька сквозь сизые облака табачного дыма разглядел сидящего за столом огромного рыжего мужика с огромным же пузом в синих семейных трусах до колена, на которых были какие-то странные пятна, играющего на гитаре, у которой почти все струны были целы. Напротив него сидел сухонький старичок с козлиной бородкой в грязной фуфаячке и со стаканом сивухи в руках, у стола вприсядку плясала толстая голая баба с растрепанными жирными волосами, складки жира свисали с ее боков, пот светлыми дорожками стекал по ее грязной коже:

– Уф!, Уф!/: грузно приседала она в такт музыке.

– Давай Евстигней поддай жару, музыки хочу!

– И приехал, блядь приехал!

Дребезжал старичок с козлиной бородкой, неожиданно он повернул голову и увидел Ваньку.

– Ты кто такой, касатик?

По козлиному заблеял старичок.

– Живу я здесь: ответил Ванька – Ветров Иван я, мать где?

– Ветров: загудел рыжий – вот и дуй до ветра, пока ребра не пересчитали, прохерачила маманька твоя хату щас на вокзале туситься или у Клавки.

И тут толстая тетка резво вскочила и распахнув свои необъятные объятия пошла на Ваньку.

– Мужика бы мне, да покрепче!

Захрипела она. Ваньку обдало такой вонью что он не заметил, как выскочил во двор. Во дворе широко расставив ноги, он согнулся его мучительно тошнило но пустой желудок напрасно выворачивался на изнанку, рвать было нечем. Очухавшись он с трудом выпрямился, отплеываясь поспешил от «родного» дома.

Разные люди бывают на свете
Кто-то свободен всегда словно ветер
Кто-то запюкан угрюм нелюдим
И никогда он не станет другим

– Кто энто? Ванька, привет!

Заверещал, вынырнувший из-за угла старичок с палочкой, и приглядевшись Ванька узнал своего бывшего соседа Витьку хромого. Витька несмотря на хромоту отличался редкой подвижностью и казалось весь состоял из шарниров, при этом рот его не закрывался.

– Ты энто дембельнулся, а идти некуда? Но энто не беда пойдём ко мне в кочегарку посидим, перекантуешся у меня, а там видно будет, татарчата мои дома, пожрать сготовят, пузырек раздавим.

Ванька невольно усмехнулся надо же в армию от Витьки забрали, и приехал к нему же, судьба интересная штука. Витька был интереснейшей личностью с не менее интересной биографией. Родом он был непонятно откуда, в Козловку попал после очередной отсидки, слез с поезда на первой попавшей станции и остался тут. Устроился кочегаром на Козловскую кочегарку там же и жил, откуда-то, из-под Златоуста на станции подобрал двух беспризорных близнецов татарчат Ильяса и Ильгама которых называл сыновьями или по-татарски улымками. Придя в кочегарку Витька завел Ваньку в свои хоромы.

– Как моя берлога?

Спросил Витька. Ванька помня ее неказистый вид раньше был удивлен, комната была большой и просторной полы чисто вымыты, занавески на окнах, печка от которой исходило тепло, и даже телевизор. Витька заорал:

– Ильяс, Ильгам, кутакбаши жрать давайте!

– Хазер, Витька бабай!

Раздался бас: в комнату зашли два здоровенных жлоба, как две капли воды похожие друг на друга, скуластые морды черные усики.

– Двое из ларца, одинаковые с лица: захихикал Витька, как мои орлы?

Ванька только головой покачал:

– Да они ж у тебя на ветру шатались, ребра торчали.

Ильяс поставил на стол чугунок с дымящейся вареной картошкой и тарелку с солеными огурцами, нарезал хлеб, Ильгам разлил в два стакана водку.

– А они, что ж не будут, или тебя боятся?

– Не пьют гады и не курят сласти жрут как девки убыток один, видишь морды какие отъели.

– Охереть: прокомментировал Ванька, в Козловке непьющие завелись, никак конец света скоро!

– А ты не смейся Ванька, зато мои улымки здоровые как быки вагон угля за два часа раскидают и мурло кому хошь набьют, меня старика в обиду не дадут. Я вон завязал с прошлой жизнью живу спокойно деньги не ахти какие втроем работаем с голоду не пухнем. А папашка твой никак не успокоится так и померет в лагере, если не помер еще. Мамашка твоя хату пропила, энтому Евстигнею рыжему.

– Так я его выгоню, рыжего энтого: от выпитого у Ваньки в голове шумело.

– Ну и дурак: ответил Витька, хату он купил зеленка у него есть, да и башку он тебе сам разобьет, вон какой бугай, но бойся больше кореша его Шурку Козла.

– Это старичок плюгавый?: спросил Ванька.

– С виду он плюгавый, а вся Козловка его боится, и шило в глаз воткнуть может и бритвой полоснуть, и ночью подстережет из ружьишка бахнет. Без тормозов энто Шурка, одним словом отмороженный, не лезь туда Ванька, погоди лучше Евстегней год уже не трезвеет глядишь и сдохнет с перепоя. Шурку один хрен посадят скоро, баба егошняя Евстигнеева тоже не просыхает уже чуть не окочурилась, короче не спеши освободится твоя хата сама. А я тебя лучше с Валькой познакомлю, девка ладная, с придурью правда. Ну да и ты сам звезд с неба не хватал. У нее свой дом, муж месяц назад повесился. Ильгам, сбегай-ка за Валькой.

– Да как-то неохота так сразу, вяло отнекивался Ванька, дети пойдут кормить их мне самому жрать нечего, опять же у нормальной бабы мужа не вешаются.

Витька как всегда смог убедить.

– А жить где будешь? Детей не будет энто точно она аборт в шестнадцать сделала, а муж сам дурак до белки допился вот и удавился, а работать ко мне в кочегарку пойдешь, с голоду не помрешь. Так в один день решила Ванькина жизнь: работа, жена и жилье. Сыт одет обут, а чего-то не хватает Валька дура и поговорить не о чем, и взяв бутылку Ванька шел к Витьке.

– А, пришел?: встречал его Витька: наливай, давай! Ты Ванька скучаешь вижу, с Валькой.

– Да дура она, затрахала накопим денег переедем в Рыльск, там все люди интелленты мужики в пиджаках ходють, а бабы на пианинах играють, купи Вань пианину. Я ей дуре объясняю, что пианина ента больше чем дом ейный стоит, бесполезно.

– Правильно, Вань, бесполезно люди вообще ни хуя не понимают. Я вон в Кемерово сидел, зона правильная, черный ход, мужики, блатные, смотрящий, ну все как положено. Я на промке работал в кабельно-барабанном цехе, короче деревянные катушки для кабелей колодили. Целый день молотком гвозди забиваешь, бах-бах и тут еще сто долбоебов тоже молотками бах-бах, на нервах все. А тут придурок один с бригады длинный такой как мотыль на обед бежит и поет: Эх, хорошо в стране советской жить, заебал, раз предупредили, второй раз пиздюлей дали, один хуй как на обед бежит и поет. Сказали не перестанешь-выебем.

– И что? Спросил Ванька.

– Выебали, один хуй как пел, так и пел, и мужика испортили, и пидар не получился. Я к чему энто Ванька человеку объяснять бесполезно, человек скотинка дурная.

– А насчет пианины Валька не сама додумалась, тут все сложнее, вот где твои татарчата?

– Да хрен их знает – в кочегарке наверно, или на улице шарахаются.

– Да вот хрен ты угадал они у ентной ебнутой Полины пианино слушают.

– Чего? удивленно протянул Витька.

Полина Галактионовна тоже была одной из ярких личностей Козловки. Когда-то жила она в Рыльске преподавала музыку, то-ли в школе, то-ли еще где, но ближе к пенсии что-то не срослось с начальством. Кончилось тем, что добрейшая бабуля кого-то там плеснула кипятком или кислотой. За прошлые заслуги она отделалась довольно легко после психушки переехала в Козловку в барак имея из имущества только пианино и большого рыжего кота по кличке Контрабас которого она ласково называла то Контриком то Басиком то Контрабасиком. Жила она тихо мирно и если закатывала концерты на пианино ближе часам к трем ночи, то соседи относились к этому довольно снисходительно, они еще не такое видали, так что бабулька прижилась и считалась хоть и с легкой припиздинкой в голове, но своей.

– Че их туда-то понесло, подкатить хотят к старухе, девки что ли в Козловке кончились?

Продолжал удивляться Витька.

– Да нет, дядь Вить, тут дело другое, Евстигней с Шуркой Козлом хотели пенсию у старухи отнять. Тут твои и впряглись, вот сейчас старуха их конфетами кормит и концерты утраивает, а им че, слушают да конфеты жрут.

– Да дела, сходи-ка Вань за еще пузырьком деньги дам, душа чего-то требует, да встретишь моих позови, беспокойно мне что-то с Шуркой терки это те не шутки.

Выйдя от Витьки Ванька побежал было к ночнику, но увидел на скамейке Ильгама тот сидел с гармошкой и вытягивал какую-то протяжную татарскую мелодию, Ванька присел рядом и закурил. Музыка была грустной, даже тоскливой, казалось, что она вытягивает душу, но одновременно она завораживала и притягивала, и звала с собой в какие-то загадочные и неизвестные миры. Ильгам с хрипом сдвинул меха гармошки и наступила тишина, Ванька невольно пожегил и потряс головой, отгоняя наваждение, навеянное музыкой.

– Пошли, Ильгамка со мной за пузырьком, дядя Витя послал, вдвоем веселее, а где Ильяска?

– Спит Ильяска, завтра уголь кидать надо.

Ильгам поставил гармошку на крыльцо запахнул бушлат.

– Пошли дядя Вань прогуляемся.

Парень он был шустрый, сообразительный, единственно с русским языком у него было не очень.

– Вот ты хороший человек дядя Ваня, а то же пузырь, пузырь, а больше ничего не надо.

Ванька удивился:

– А чего еще-то есть у нас?

– Да в том то и дело ничего нет, вот мы с тобой ебашим как ишак, уголь кидаем, а ничего нет. А в Рыльске ездит на иномарка, живет в большой дом и всех говорит быдло, а сам морда как свинья, как так. Фабрика стоит в Рыльск все работать, у никого ничего нет, а один ходит говорить фабрика мой, как так, он как заработал? А всех говорит быдло, а как так? Эх! Ильгам мечтательно поглядел на небо, жизнь не для нас нам быстрее умирать, а там Ильгам показал пальцем на звезды хорошо жрать не нада, деньги не нада, никому не должен и красиво как.

Небо и действительно было красиво на синевато черном фоне ярко горели каким-то таинственным призрачным светом синеватые звезды. Ванька тоже взглянул на звезды и тяжело вздохнул, нечто подобное и ему не раз приходило в голову, но он гнал от себя эти мысли, не желая травить душу. Да и он отлично видел, что твориться на свете. И его тошнило от того, что любое быдло правдами или неправдами дорвавшись до денег всеми силами пыталось самоутвердиться, выделиться, втоптать простого человека в грязь, тошнило от передач, которые показывали по телевизору, где свиноподобные личности мешали с дерьмом Советский Союз и восхваляли самих себя.

– Дурак ты Ильгамка, помолчи лучше целее будешь.

– Это ты дурак, пил, пил свой пузырь, ничего не делал, а тебя оп и тюрьма на два года.

– Так я же в армии был.

– А какой разница, в тюрьма никуда нельзя, в армии тоже, я вот лучше сразу тюрьма пойду, хоть за что-то, зато потом армия не пойду, ни за что сидеть два год не буду. Домой хочу в деревня и не хочу.

– Ты уж определись хочешь или не хочешь.

– Хочу только нет никто в деревня, все умер, а Ильяска не хочет, один тоже не хочу. А в Рыльске пацаны стадион футбол играют-ни с того не с сего вспомнил Ильгам.

– А ты, тоже хочешь? Хочу и Ильяска хочет да не пустят нас туда.

– Будет тебе футбол, Ильгамка, мяч достану, соберем команду с Рыльскими будем играть-пообещал Ванька.

Ильгам заржал:

– А как назовем команду – Козлы?

– Сам ты козел.

Так незаметно дошли до ночника и купив бутылку водки вернулись в Витькину каморку. Витька был не в духе и с ходу наехал на Ильгама:

– Что там с Шуркой Козлом у вас, придурки?

– Да не сердись, дядя Вить, нормально все, Козел сам дурак у старухи деньги отнять хотел.

– А подкараулит ночью, что тогда?

Ильгам улыбнулся:

– Не сможет, я его держал Ильяска на руки прыгал, потом Ильяска держал, я руки прыгал, рук оба сломался, вот так, штаны расстегнуть не может писает прям в штаны, воняет блядь.

– А Евстигней?

– Там совсем хорошо, один плюшка и лежит сапсем не стает, а баба его сука вонючий к Ильяске шел обнять хотел, ей тоже плюшка оба блядь лежат вместе, как молодожен.

Витька махнул рукой:

– Ну и хрен с вами!

Все и в самом деле обошлось как нельзя лучше, Шурку Козла вызвали за какие-то старые дела в уголовку, там он повел себя не совсем правильно, и его многострадальные руки сломали снова, на этот раз опера из убойного и после суда Шурку отправили куда-то далеко и надолго.

Пусть я и гол как сокол
Но очень люблю футбол
Сердце стучит как мотор
Когда я слышу крики-гол!

Ванька отбросил окурок, встал еще раз взглянул на небо, хрустальное небо сентября, повторил он про себя и взглянул на свою футбольную команду, столпившуюся возле крыльца. Данное спьяну обещание Ильгам принял всерьез, откуда-то притащил настоящий футбольный мяч, и команда уже месяц тренировалась на Козловском кладбище. Команда вся в сборе Ильгам, Ильяс, Дима Кретин, в очках таких толстых, как доньшки из-под бутылки, Кретином его назвала еще учительница в начальных классах за его ум и сообразительность, кличка как-то сразу к нему и приклеилась, даже отец суровый сварщик из ЖЕУ Пал Палыч, называл его не иначе как Кретин. Сам Дима на кликуху не обижался, считал, что это иностранное, или «заграничное», как он любил выражаться имя наподобие Антуана или Арчибальда, и никто ему не мог вдолбить, что кретин – это дурак только по-другому, завидуйте молча, говорил он в подобных случаях. Парнем он был заводным, водку не любил, предпочитал травку и когда он, накурившись, садился на отцовский Иж весь двор предпочитал разбежаться, так как Дима и в нормальном состоянии плохо видел, а под травой по его же собственному признанию ориентировался исключительно по запаху. Футбол он любил всей душой и поэтому первым пришел в команду. Скромно стоял другой член команды мальчик Кирюша, с ясными и чистыми глазами белыми пушистыми ресницами и бровями, родом он был не из Козловки, а из далекой глухой деревушки с немного печальным названием Гробы, жители которой испокон веков специализировались на невеселой работе по изготовлению гробов. Отец его Павел Евграфыч, известный гробовщик, держал Кирюшу в ежовых рукавицах, и к пятнадцати годам Кирюша хорошо освоил ремесло, но он всей душой мечтал попасть в город и выучиться на бухгалтера, отец его мечту не разделял, и после воспитательной беседы, проведенной суровым отцом, когда Кирюша снова научился ходить, дернул у бати «лопатник» и появился в Козлинорыльске. С бухгалтерией у него понятно, ничего не вышло и он нашел себя в Козловском ритуальном агентстве «Долгий путь», и числился на хорошем счету, ни курил и не пил. Но была у Кирюши маленькая страстишка, любил он подглядывать в женских банях. Его неоднократно ловили, стыдили и даже били, а однажды, он пробрался в Рыльске в баню с ночи перед женским днем и сидел всю ночь ожидая сеанса, и все складывалось удачно, сидя под лавками он видел все что хотел, и молодых, и старых, и стройных, и полных. Но случилась неувязка, одна из женщин уронила колечко, и оно закатилось под лавку, где как раз сидел Кирюша. Позже, выписавшись из больницы он вспоминал, что нет ничего страшнее, когда толпа голых баб бьет тебя железными тазиками. После того кошмарного дня Кирюша решил посвятить оставшуюся жизнь спорту.

– Короче, пацаны: начал Ванька – команда у нас маленькая, всего пять человек со мной, больше по всей Козловке никого не набрал, не хочет никто играть, но все равно попробуем провести товарищеский матч с Рыльскими.

– Да не будут они с нами играть, они бояться даже ходить к нам, а к ним на стадион не пустят, там тренер понтовитый больно – Валька Евлоев – зашумели «игроки».

– Решим с Валькой: сказал Ванька.

Не откладывая дело в долгий ящик Ванька, взяв с собой Кирюшу направился к Рыльскому стадиону, благо тот стоял ближе к окраине. Ильгама, который тоже решил увязаться с ними, Ванька отшил, так как парень был буйный, да и рожей не вышел, распугает еще чего

доброе стадионовских. Валька Евлоев и в самом деле был понтовитый: его бело-голубые кроссовки были великолепны и при ходьбе издавали громкий скрип, он ходил возле яркой блондинки, которая глядела на Вальку с искренним восторгом и обожанием.

– Валентин Анатольевич, а почему у вас так скрипят кроссовки? – мурлыкающим голосом спросила блондинка.

Валька заложив руки за спину, с достоинством отвечал:

– Понимаешь, Марина, это настоящая американская обувь, брэнд, в Америке все так ходят.

– Вау!: прошептала Марина, как они вам идут! И наверно стоят дорого?

– Пустяки! – отвечал Валька, для меня конечно! Не всем конечно, доступна такая обувь!

Ванька, заметив, как загорелись глаза при виде кроссовок у Кирюши, показал ему кулак, при всей своей скромности, Кирюша если чего хотел, всегда добивался своего и в способах достижения цели особо не заморачивался.

– Ты, что ли Валька Евлоев? – спросил Ванька.

Валька презрительно оглядев Ваньку – потертый бушлат, кирзовые сапоги, кепка-восьмиклинка, хотел было послать его подальше, но взглянув ему в глаза почувствовал неприятный холодок в животе, взгляд был пустой и острый, как будто ножом резал, рядом стоял мальчишка ангельской внешности, который смотрел на него, вернее на его кроссовки как кот на сметану. Козловские, безошибочно определил Валька, дать бы деру пока рыло не начистили, да перед Маринкой неудобно, Валька был самолюбив.

– Что вам угодно? – вежливо спросил Валька.

– Мы, это представители Козловского футбольного клуба.

Не менее вежливо представился Ванька, улыбнувшись дружелюбной, как ему казалось улыбкой. Однако оскаленные в улыбке, почерневшие от табака зубы должного впечатления не произвели, Марина брезгливо поморщилась, а Валька лихорадочно начал думать как быстрее отделаться от «коллег», как-то некстати вспомнилось, как футболисты жаловались, что Козловские месяц назад приперлись на стадион, пьяные в соплю избивали кого-то из ребят отняли сотовый телефон и футбольный мяч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.